

НИКОЛАЙ ГЕЙНЦЕ

ЖЕНУ КУПИЛ

Николай Эдуардович Гейнце

Жену купил

«Утро. Кабинет одного из петербургских адвокатов. Хозяин что-то пишет за письменным столом. В передней раздаётся звонок, и через несколько минут в дверях кабинета появляется, приглаживая рукою сильно напояженные волосы, ещё довольно молодой человек с русой бородкой клином, в длиннополом сюртуке и сапогах бурками...»

Николай Гейнце
Жену купил
До невероятности
современный факт

Утро. Кабинет одного из петербургских адвокатов. Хозяин что-то пишет за письменным столом. В передней раздается звонок, и через несколько минут в дверях кабинета появляется, приглаживая рукою сильно напояженные волосы, еще довольно молодой человек с русой бородкой клином, в длиннополом сюртуке и сапогах бурками.

– Адвокат-с вы будете? – обращается он к хозяину.

– Я буду. Что вам угодно? Прошу садиться, – указывает тот на кресло.

Клиент садится и вертит в руках черный суконный картуз на вате.

Молчание.

– Чем могу служить? – спрашивает адвокат.

– Дело у меня к вам, можно сказать, особенное-с, – как-то конфузливо говорит пришедший.

– Какое же?

– На счет супруги-с.

– Бракоразводное? Я ими не занимаюсь; обратитесь к другому, – замечает хозяин.

– Нет, зачем разводное-с, докладываю я

вам – особенное-с.

– Да какое же особенное? – недоумевает адвокат.

– Супругу-с я, значит, в собственность приобрел по документу-с.

– Как супругу? Чью? – уставился хозяин на клиента.

– Тут одного из наших мест-с. Мы, значит, из Лебедяни, купец Куроедов по фамилии-с, красным товаром торгуем-с.

– Это к делу не относится, – перебивает его адвокат, – вы расскажите самое дело поподробнее.

– Поподробнее-с – оно длинное будет, – замечает клиент.

– Ничего; чтобы дать вам тот или другой ответ, надо знать дело обстоятельно.

– Это точно-с, – соглашается клиент, – значит, вам спервоначалу все рассказать?

– Ну, да, спервоначалу!

– Тэк-с. Годика четыре это тому назад будет-с, объявился у нас в Лебедяни тоже адвокат, оно не то, чтобы настоящий, а так, супротив вас, например, другой товар будет, чиновник выгнанный, пропойца. Одначе, мелкие

дела по купечеству в лучшем виде орудовал-с и в компании, таперича, человек золотой-с был. Ну, купечеству, сами знаете, это на руку – полюбили. Случись тут у меня дельце кляузное, ну, я, значит, и к Паупертову – адвокат этот самый так по фамилии-с. Познакомились, компанию водить стали, в дом к себе меня пригласил и судьбу этим мою порешил. Жил это он грязно-с, на окраине три комнаты занимал с супругою-с. Увидал я ее и обомлел-с. В грязи да загоне она у мужа находилась, а с лица – красота писаная. Повадился я к ним. Мужа-то одна заря вгонит, а другая выгонит – пьянствует, ну, а мы с супругой тем временем разговоры разговариваем, и всю судьбу ейную я досконально узнал. Не жисть ей, голубушке, была, а каторга: на третьей на ней, на сироте, муж-то аспид женился, года с четыре всего, и дня она, голубушка, с тех пор светлого не видала; нужда, голод да муж пьяница. Жалость меня взяла, и ласков я к ней не в пример после рассказа ее стал. Ну, ласки-то она, может, отродясь не видала, отозвалась, и полюбили мы друг друга.

– Ну, понимаю. Что дальше? Вы, все-таки

покороче, – заметил адвокат.

– Слушаю-с. Долго ли, коротко ли, стал я ее от мужа сманивать к себе, значит, в холе пожить. Согласилась. С мужем я на ста рублях поладил; паспорт выдал – переехала. С год уж прошло, супруг не очинно нас беспокоил, иногда это в пьяном образе десятку или синеенькую сорвет – и ничего; только к концу прошлого года стал он с меня эту самую контрибуцию уж очинно часто взыскивать; деньжищ я ему целую прорву переплатил-с, а окромя того скандалы-с.

– Вы к делу-с, поближе к делу, – заметил нетерпеливо хозяин.

– Сейчас, к самому концу пришли-с, – отвечал клиент. – На второй день Рождества, значит, является к нам супруг ейный в трезвом виде, как следствует, в аккурате и такую речь повел: «Иван Силыч, – меня так кликают, – чем по мелочи мне с вас за разрушение моего семейного счастья брать, не лучше ли к окончательной цифре прийти, в виде отступного, и супругу тогда я вам мою законную по документу передам и никаких против нее и вас претензий иметь не буду». Что-ж, думаю, ка-

жись и дело говорит. В трактир я его повел, да за чайком и к делу приступили. «Сколько же вы с меня за супругу вашу единовременно возьмете?» – спрашиваю я его. Три тысячи заломил, я ахнул. Однако, сдался – на тысяче мы порешили; бумагу писать стал. Я, было, чтобы у нотариуса заявить настаивал, а он говорит: «Это для меня конфуз один, и так крепко будет», Я согласился. Съездил домой, десять радужных ему передал и вот эту самую расписку от него получил с маркой гербовой.

Клиент вынул из кармана объемистый бумажник, достал оттуда расписку и подал адвокату.

Тот развернул ее и прочел: «1884 года, декабря 26 дня, я, нижеподписавшийся, выдал сию расписку купцу Ивану Силову Куроедову в том, что передал в вечное его владение законную супругу мою, Митродору Петрову Паупертову, за что и получил с него, Куроедова, тысячу рублей серебром, и обязуюсь никаких беспокойств ни ей, супруге моей, ни ему, Куроедову, не оказывать и никогда против них никаких претензий не иметь, в противном случае должен я ответствовать по законам

гражданским и уголовным. Отставной провинциальный секретарь Фемистокл Аристов Паупертов руку приложил».

– Что же вы хотите? – улыбнулся адвокат.

– Как чего? По законам с ним поступить, так как он с Нового же года деньги опять с меня требовать стал и скандалы учинять, да при том и супругу отобрать грозился, а мне без нея не жисть, – заволновался клиент.

– Вот вам мой ответ: бумагу вы эту разорвите, потому что по законам и покупателя, и продавца живого человека к суду притянут, и вам же достанется, – отвечал адвокат.

– Это за мои же деньги? Ну, закон-с! Значит, кроме денежной контрибуции от супруга ейного ничем не отбрыкаешься?

– Значит!

– Ну, дела! За беспокойство прощенья просим-с...

Своеобразный клиент удалился.